

Анна Сейн

Пещера

времени.

Разрыв петли

Анна Сейн

Пещера времени. Разрыв петли

«Автор»

2026

Сейн А.

Пещера времени. Разрыв петли / А. Сейн — «Автор», 2026

ОНИ ВЫЖИЛИ. НО КОШМАР НЕ ЗАКОНЧИЛСЯ. Трое. Только трое вернулись из той пещеры. Остальные остались там — во тьме, во времени, в памяти. Оливер, Хлоя и София пытаются жить в 2024 году, хотя помнят 1994-й. Они работают, снимают квартиру, делают вид, что всё нормально. Но по ночам им снятся чёрная вода и голоса тех, кого они не смогли спасти. Но что, если можно вернуться? Что, если пещера — не ловушка, а дверь? Что, если убить монстра и разорвать петлю времени? Они найдут ответы. Они вернуться. Они сделают то, что не смогли в прошлый раз. Спасут всех. Или умрут, пытаясь. «Разрыв петли» — вторая книга о времени, любви и цене выбора. Для тех, кто верит, что прошлое можно изменить. И для тех, кто знает: иногда цена победы выше, чем кажется.

© Сейн А., 2026

© Автор, 2026

Анна Сейн

Пещера времени. Разрыв петли

Глава 1

Глава 1

Октябрь 2024 года. Порт-Эллерби, прибрежный городок на севере Новой Англии.

Тишина в этой квартире была особой. Не той, что бывает в пустых домах, — звенящей, пугающей. А той, что бывает там, где живут люди, потерявшие слишком много. Где каждое слово может оказаться лишним, а каждая пауза — слишком тяжёлой.

Они снимали эту квартиру уже четвёртый месяц. Две комнаты, кухня, маленькая ванная. Старая мебель из благотворительного магазина, выцветшие шторы, потрескавшийся паркет. Дом стоял на холме, и из окон кухни было видно океан — серый, холодный, бесконечный. По ночам, когда ветер стихал, они слышали, как волны бьются о скалы. Этот звук был единственным, что их успокаивало. И единственным, что напоминало им о реке. О той реке.

Их осталось трое.

Оливер, Хлоя и София. Те, кому повезло. Или не повезло — они до сих пор не решили.

Кай ушёл последним. Они видели, как он шагнул в чёрную воду подземного озера, заслонив их собой. Видели его спокойное лицо, его тихую улыбку. Слышали его последние слова: «Я всегда боялся потеряться. Оказаться в ловушке один. Теперь я знаю, где я. И я не один — я с вами. До конца».

Они выбежали. Он остался.

А Итан и Лиам исчезли раньше. В лесу. Во время погони. Оливер помнил, как они разделились. И Итан с Лиамом скрылись в темноте. Больше он их не видел. Ни Итана с его громким смехом и вечной самоуверенностью. Ни Лиама с его спокойными глазами и мудрыми, редкими словами.

Они так и не узнали, что с ними случилось. Убил ли их монстр? Затянуло ли их в ту же временную петлю? Или они блуждают где-то в лабиринтах пещеры, всё ещё живые, всё ещё надеющиеся?

Хлоя иногда просыпалась ночью и шептала в темноту: «Итан? Лиам? Вы здесь?» — но ответа не было. Только тишина. Только стук собственного сердца.

София не говорила о них. Вообще. Она делала вид, что их не существовало. Что они всегда были только втроём. Но по ночам, когда она думала, что никто не видит, она доставала старую фотографию — ту самую, из пещеры, — и подолгу смотрела на улыбающиеся лица. Шесть лиц. Теперь их осталось три.

Оливер избегал разговоров о них. Слишком больно. Слишком свежо. Он помнил, как они смеялись у костра, как Итан подшучивал над Лиамом, а Лиам спокойно парировал. Как они спорили о музыке, о фильмах, о жизни. Как Итан обещал научить его играть в покер, а Лиам — водить мотоцикл. Эти обещания так и остались обещаниями.

Однажды, в первый месяц после возвращения, Оливер попытался узнать, что случилось с их телами. Или хотя бы с тем, что от них осталось. Он звонил в morgi, в полицию, в больницы. Никто ничего не знал. Пропали без вести. Как они сами — тридцать лет назад.

— Может, их затянуло в другое время, — предположила однажды Хлоя. — Как нас. Может, они где-то там, бродят по лесу, ищут выход...

— Не надо, — перебила София. — Не надо себя обманывать.

— А ты не обманываешься? — спросила Хлоя. — Ты веришь, что они мертвы?

София молчала долго. Очень долго.

— Я верю в то, что мы не можем им помочь, — наконец сказала она. — Пока мы не вернёмся туда.

— А мы вернёмся? — спросила Хлоя.

София не ответила. Но в её глазах горел тот же огонь, что и у Оливера.

Они не говорили о Кае, Итане и Лиаме вслух. Слишком больно. Но каждый из них думал о них постоянно. Восемьдесят четыре ступеньки до квартиры — одна мысль о Кае. Приготовление ужина — воспоминание о том, как Итан поджаривал шашлык. Тишина за столом — образ молчаливого Лиамы, который всегда говорил только по делу.

Они были здесь. В этих стенах. В этих звуках. В этих запахах. Их голоса звучали в голове, когда никто не говорил. Их лица мелькали в толпе, когда они выходили на улицу.

— Иногда мне кажется, что я вижу их, — призналась как-то Хлоя. — Идёт человек — и на секунду мне чудится, что это Итан. Или Лиам. А потом он поворачивается, и это чужое лицо.

— Я тоже, — сказал Оливер. — Один раз я даже окликнул парня в супермаркете. Он обернулся, и это был не Лиам. Но очень похож. Та же манера держать голову, та же походка.

— И что он? — спросила София.

— Сказал, что я ошибся. И ушёл.

Оливер тогда долго стоял в проходе между стеллажами, глядя ему вслед. И чувствовал, как что-то сжимается внутри. Как будто он снова потерял их. Снова.

Утро Хлои всегда начиналось очень рано. Раньше, чем нужно было на работу. Раньше, чем хотелось. Сны всё ещё приходили к ней — те же самые, чёрные, с чёрной водой и тихим, влажным шёпотом: «Ты забыла нас? Мы здесь. Мы ждём». Иногда в этих снах появлялся Кай. Он стоял на противоположном берегу чёрного озера, целый и невредимый, и улыбался своей редкой, тихой улыбкой.

— Ты зря мучаешься, — говорил он. — Я знал, что делал. Я выбрал сам.

— Кай... мы не смогли тебя спасти...

— Вы спасли себя. Это главное.

Она просыпалась с мокрым лицом и несколько минут лежала неподвижно, глядя в потолок. Потом вставала, шла в крошечную ванную и подолгу стояла под душем, пытаясь смыть то, что смыть было невозможно.

Она работала кассиром в супермаркете «Preston's Grocery» на углу Мейн-стрит. Форма была тёмно-синей, с именованным бейджем: «Хлоя». Покупатели часто спрашивали: «Вы не местная?» — и она отвечала: «Из Бостона», хотя в Бостоне не была ни разу.

Работа была однообразной, почти медитативной. Бип. Товар проходил через сканер. Бип. Следующий. Бип. Хлоя улыбалась, желала хорошего дня, смотрела, как люди уходят в свою обычную жизнь, и завидовала им. По-хорошему, беззлобно, но глубоко.

Иногда она ловила себя на мысли, что ищет среди покупателей Итана, Лиамы и Кая.

Кольцо, которое подарил ей Оливер, она не снимала. Маленький бриллиант тускло мерцал под неонам супермаркета, и кто-то из покупателей иногда говорил: «Поздравляю! Невеста!» — а она улыбалась и благодарила, хотя её свадьба должна была состояться в 1994 году.

Тридцать лет назад.

Оливер работал в «Ellerby Design Associates» — небольшом архитектурном бюро на набережной. Он был младшим чертёжником, самым низшим звеном в компании. Его знания безнадежно устарели, и каждую ночь он осваивал программы, которым его не учили в институте.

Начальник, мистер Гаррисон, называл его «парень» и давал самые скучные задания. Оливер не жаловался. Ему нужно было работать. Ему нужно было забыть. Ему нужно было двигаться вперёд, хотя все его мысли были там — в прошлом, в пещере, в той чёрной воде.

Иногда, когда офис пустел, он подходил к огромному окну и смотрел на океан. Вода была серой, холодной, живой. Он думал о тех кто остался в пещере.

Оливер сжимал кулаки и возвращался к работе. Он не имел права останавливаться. Он должен был жить. За себя. За тех, кто не вернулся.

По вечерам он играл на гитаре. Тихие, грустные мелодии, которые никто не слышал. Одна из них была о Кае. Без слов. Только струны, холодный ветер и шум океана за окном.

София работала в «Atlantic Research Institute» — частном научном центре, расположенном в старом маяке. Она была младшим лаборантом, анализировала пробы воды и почвы. Её острый ум, её способность замечать детали, её аналитическая жилка — всё это пригодилось. Но она чувствовала, что здесь она на гастролях.

Начальник, доктор Элейн Морган, ценила её за точность и нечеловеческую работоспособность. «Откуда у вас такие навыки?» — спрашивала она. «Я любопытна», — отвечала София.

Она не говорила, что эти навыки были куплены ценой жизни её друзей. Что она научилась быть быстрой, потому что медлить было нельзя. Что она научилась быть точной, потому что ошибка стоила бы им всего.

По ночам, когда город затихал, София доставала старую, потрёпанную фотографию. На ней были все шестеро — на том берегу, у реки, в день, который стал последним днём их старой жизни. Она смотрела на лица Итана, Лиамы, Кая и думала о том, что могла бы спасти их, если бы была быстрее. Если бы заметила змею раньше. Если бы не пошла за теми раками. Если бы...

— Хватит, — слышала она голос Кай в своей голове. — Ты не виновата. Никто не виноват. Это просто случилось.

Она прятала фотографию и ложилась спать. Чтобы завтра снова встать, снова пойти в лабораторию, снова делать вид, что она живёт нормальной жизнью.

Было около одиннадцати вечера. За окном моросил холодный осенний дождь, и капли, сбегая по стёклам, искажали огни ночного города. На кухне горел тусклый свет — единственная лампочка под потолком, которую они так и не заменили, потому что привыкли.

Хлоя сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела на улицу. София читала какой-то научный журнал, но взгляд её был рассеянным. Оливер стоял у плиты, помещивая в кружке растворимый кофе, который все они ненавидели, но пили, потому что он был дешёвым.

— Я больше не могу, — вдруг сказал он, не оборачиваясь.

Хлоя и София подняли головы.

— Что? — спросила Хлоя.

— Так жить, — Оливер повернулся к ним. Его лицо в тусклом свете выглядело усталым, измождённым. Под глазами залегли тени, которых не было ещё месяц назад. — Каждый день одно и то же. Работа, дом, сны. Работа, дом, сны. Я не знаю, кто я. Я не знаю, где я. Я просто... существую.

— Мы все существуем, — тихо сказала София.

— Но мы не должны! — голос Оливера дрогнул. Он поставил кружку на стол и сел напротив них. — Мы выжили. Мы должны жить. А не просто доживать.

Хлоя спустилась с подоконника и села рядом с ним, взяв его за руку.

— А что ты предлагаешь? Мы не можем вернуться в прошлое.

— Не можем? — Оливер посмотрел на неё. В его глазах горел тот самый огонь, который она не видела с того самого дня на лужайке. — А кто нам сказал? Мы проверили? Мы искали? Мы вообще пытались?

— Входа нет, — напомнила София. — Пещера завалена.

— Входа нет там, где мы искали, — возразил Оливер. — Но пещера — это не просто дыра в скале. Это... место. Аномалия. Она может менять форму. Появляться там, где её не было. Исчезать там, где была.

— Ты говоришь о калитке? — спросила Хлоя.

— Я говорю о том, что мы должны попробовать, — ответил Оливер. — Найти то место. Тот лес. Тот холм. Даже если дачи нет, даже если дома построили, даже если всё изменилось... земля осталась. Та самая земля.

Он встал и подошёл к окну, глядя на мокрый асфальт и жёлтые фонари.

— Я хочу поехать туда. В тот район. Найти хоть что-то. Может быть, калитку. Может быть, следы. Может быть, вход.

— А если найдёшь? — спросила София. — Что тогда? Войдёшь один?

— Если надо — да, — твёрдо сказал Оливер. — Но я хочу, чтобы вы пошли со мной. Мы команда. Мы всегда были командой.

Хлоя молчала. Она смотрела на своё кольцо, на маленький бриллиант, который тускло блестел в свете лампы.

— Я с тобой, — наконец сказала она. — Куда угодно.

София отложила журнал и сняла очки.

— Это безумие, — сказала она. — У нас нет никаких доказательств, что пещера всё ещё существует. Нет никаких гарантий, что мы сможем её найти. Нет никакой уверенности, что мы не погибнем.

— Но? — спросил Оливер, чувствуя, что она ещё не закончила.

— Но я тоже хочу попробовать, — призналась София. — Я не могу больше сидеть в этой лаборатории, смотреть в пробирки и делать вид, что меня волнует рН воды. Меня волнует другое. Меня волнует, почему время ведёт себя странно. Почему мы потеряли тридцать лет. Почему они остались там, а мы здесь. Я хочу ответы.

— Тогда решено, — Оливер обернулся к ним. — На выходных едем. Возьмём карту, фонарики, аптечку. И поедем.

— На чём? — спросила Хлоя. — У нас нет машины.

— Арендуем, — ответил Оливер. — На первое время.

Он подошёл к столу и сел, наливая себе остывший кофе.

— Я не знаю, что мы найдём. Может быть, ничего. Может быть, тупик. Но я не могу больше сидеть и ждать. Ждать, когда оно придёт к нам. Или когда мы забудем. Я не хочу забывать.

— Я тоже, — тихо сказала Хлоя. — Иногда мне кажется, что если я забуду его лицо, то предам. Предам Кая. Итана. Лиама. Всех.

— Не забудешь, — сказала София. — Такое не забывается.

Они замолчали. Дождь за окном усилился, и капли громко барабанили по подоконнику. Где-то вдаль послышался гром — первый осенний гром, тяжёлый, раскатистый.

— Знаешь, — сказал Оливер, глядя на тёмное стекло, — я иногда думаю: а что, если они всё ещё там? Что, если время в пещере течёт иначе? Что, если для них прошло всего несколько часов? И они всё ещё ждут нас?

— Не мучай себя, — покачала головой София. — Они мертвы. Мы видели, как...

— Не договаривай, — перебила Хлоя. — Пожалуйста.

София замолчала. Она поняла. Иногда надежда — это единственное, что остаётся. Даже ложная.

Они сидели на кухне, втроём, слушая, как дождь стучит по стёклам. Завтра будет новый день. Работа. Дом. Сны. А послезавтра — выходные. Они сядут в машину и поедут искать прошлое. Или будущее. Или то, что от них осталось.

— А если мы найдём? — спросила Хлоя. — Если пещера всё ещё там. Если мы войдём... что тогда?

— Тогда мы сделаем то, что не смогли в прошлый раз, — ответил Оливер. — Спасём их. Всех.

— Или погибнем, — добавила София.

— Или погибнем, — согласился Оливер. — Но лучше умереть, пытаясь что-то изменить, чем жить, зная, что ты даже не попробовал.

Хлоя сжала его руку.

— Тогда пьём кофе и ложимся спать. Завтра трудный день.

— Послезавтра трудный, — поправил Оливер. — А завтра просто долгий.

Они улыбнулись. Впервые за долгое время.

А за окном всё так же моросил дождь. И где-то там, в темноте, за горизонтом, в старом лесу, на том холме, ждала пещера. Она ждала их возвращения.